

Контент-анализ родительских трудностей матерей, обратившихся за помощью к психологу-консультанту

Бардиер Г. Л.,

Доктор психологических наук, профессор кафедры психотравматологии РХГА, Санкт-Петербург, Россия, galinabardier@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4008-4335>

Здерёва Н. В.

Магистр психологии, психолог-консультант; natalyaz@yandex.ru

DOI 10.25991/g4594-8235-6546-k

УДК: 316.64

Аннотация

В статье представлены результаты контент-анализа высказываний матерей, обратившихся к психологу-консультанту с запросом о помощи в преодолении родительских трудностей, связанных с воспитанием, формированием отношений, особенностями общения с детьми. Предлагается авторская типология родительских материнских трудностей.

Ключевые слова: воспитание, отношения, общение, трудности, запрос о психологической помощи.

Galina L. Bardier,

Doctor of Psychological Sciences,
Professor of the Department
of Psychotraumatology of the Russian
Christian Academy of Humanities,
St. Petersburg, Russia,
galinabardier@yandex.ru .
<https://orcid.org/0009-0006-4008-4335>

Natalya V. Zdereva,

Master's degree in Psychology,
consultant psychologist;
natalyaz@yandex.ru

Content analysis of parental difficulties of mothers who sought help from a consulting psychologist

Для цитирования:

Бардиер, Г. Л. & Здерёва, Н. В. (2026).
Контент-анализ родительских
трудностей матерей, обратившихся за
помощью к психологу-консультанту.
Психология человека и социальной
среды, (1), 52–61. doi:10.25991/g4594–
8235–6546-k

Abstract

This article presents the results of a content analysis of statements by mothers who sought help from a consulting psychologist in overcoming parenting difficulties related to raising children, developing relationships, and communicating with their children. The author's typology of parenting difficulties is proposed.

Keywords: parenting, relationships, communication, difficulties, request for psychological help.

Постановка проблемы

Современные специалисты помогающих профессий отмечают, что уровень востребованности психологических знаний и уровень доверия к консультирующим психологам у современных россиян заметно растет. Это обусловлено и внешними (сложная экономическая и политическая обстановка в стране и мире), и внутренними (открываются ресурсы самонаблюдения и рефлексии) факторами.

Сами же консультирующие психологи в числе наиболее частых запросов о помощи также дружно называют проблемы, связанные с воспитанием, обучением, развитием детей. С одной стороны, конечно, такие запросы могут быть продиктованы психологическими особенностями современных детей и госзаказом на обновление образовательных стандартов и на «перезагрузку» всей образовательной среды учебных заведений — начиная с детского сада и завершая атмосферой студенческой жизни (Ампе, Раммант, 2024; Крановиц, 2012; Садовникова, 2012; Микляева & Безгодова, 2017; Цветков & Павлова, 2023; Бардиер, 2018; Бардиер, Кравченко & Фадеева, 2021). С другой стороны, запросы на психологическую помощь часто бывают связаны с психологическими особенностями самих родителей, которые даже при всем своем старании вынуждены признаваться в том, что по самым разным причинам не справляются (или не совсем справляются) с задачами воспитания собственных современных детей (Здерёва, 2026; Здерёва, 2023; Смирнова & Быкова, 2000; Винникотт, 2001; Эйдемиллер, Добряков & Никольская, 2006).

Если проанализировать эти запросы более глубоко, то становится понятно, что оба запроса тесно взаимосвязаны: современные родители переживают собственные проблемы и не всегда готовы и могут справиться с современными детьми, но и детям «своих» проблем тоже хватает — у них отбирают гаджеты, их вовлекают в атмосферу школьной травли, перегружают домашними заданиями, вместо душевного общения осуществляют жесткий контроль или, наоборот, теряют всякий интерес к ребенку. И это как со стороны учителей и одноклассников, так и, конечно, со стороны родителей. Иногда ситуация складывается даже таким образом, что еще до обращения к психологу родители получают психологическую помощь от самих детей, дети часто осознают свою «психокоррекционную» роль и в школьной, и в семейной жизни (Бардиер, 2002).

Еще один путь получения психологической помощи — это общение в дистантных группы самопомощи, чтение информации на форумах, обращение к практикующим дистанционные формы общения различного рода коучам, блогерам, профессиональным и непрофессиональным консультантам. При этом к такой форме помощи обращаются чаще матери, отцами такое общение рассматривается как

эффективное в гораздо меньшей мере.

Для повышения эффективности и профессионального качества такого общения психологам-консультантам желательно заранее представлять, какого рода трудности могут возникать у матерей, то есть, иметь в составе своих professional tools удобную практико-ориентированную типологию родительских трудностей матерей, готовых обратиться к консультирующему психологу.

При этом важно иметь в виду, что трудности могут быть осознаваемыми, неосознаваемыми и осознаваемыми лишь частично (например, трудности есть, а сформулировать, в чем конкретно они заключаются, мама не может). Трудности могут субъективироваться и в силу этого искажаться.

Наконец, трудности могут касаться эмоциональной, когнитивной и/или поведенческой стороны взаимодействия мамы с ребенком, причем, это не зависит от возраста ребенка, все три стороны взаимодействия возможно, что в разных соотношениях, но в обязательном порядке всегда присутствуют.

Процедура и методика исследования

Цель исследования: изучение характера воспитательных трудностей, с которыми обратились матери к консультирующему психологу за психологической помощью.

Задачи исследования:

1. Сбор данных — фиксирование высказываний матерей о тех трудностях, которые они испытывают в рамках своего родительства.
2. Проведение контент-анализа высказанных матерями родительских трудностей.
3. Типологизация субъективно воспринимаемых и высказанных матерями родительских (воспитательных) трудностей.

Предмет исследования: субъективно-воспринимаемые матерями, обратившимися за психологической помощью, родительские трудности воспитательного и иного характера.

Объект исследования: матери, обратившиеся за психологической помощью в связи с проблемами (трудностями) воспитания детей.

Гипотеза исследования: предполагалось, что типологический профиль субъективных родительских трудностей включает три стороны взаимодействия взрослого с ребенком: аффективную (эмоциональную), когнитивную (рациональную) и конативную (мотивационно-деятельностную).

Характеристика выборки: в качестве респондентов в исследовании участвовали 47 женщин (матерей), обратившихся за психологической помощью в связи

с трудностями в воспитании детей.

Методы исследования: авторский опросник Н. В. Здерёвой о факте наличия и характере субъективно воспринимаемых матерями воспитательных трудностей [не опубликован]. Авторский опросник Н. В. Здерёвой включал открытые вопросы, в числе которых для дальнейшей обработки с применением процедуры контент-анализа были использованы два вопроса:

1. Заметили ли вы, что с появлением детей, обострились ваши личностные проблемы, которые не были так ощутимы раньше?
2. Опишите, пожалуйста, с какими трудностями вы сталкиваетесь в процессе воспитания и общения с детьми

Результаты исследования

Большинство опрошенных матерей на вопрос «Заметили ли вы, что с появлением детей, обострились ваши личностные проблемы, которые не были так ощутимы раньше?» ответили положительно, что и ожидалось, поскольку опрашивались матери, уже обратившиеся за психологической помощью. Но оказалось, что есть и исключения. Исключение составили 4 матери (8,5%). При этом трое из них, отвечая далее на второй вопрос, обозначили трудности не свои, а детей, которых они воспитывают, и одна мама на вопрос о характере трудностей обозначила собственную личностную трудность, ответив лаконично: «Не хватает сдержанности». Тот факт, что обратившиеся за психологической помощью матери в качестве запроса указали не свои трудности, а нежелательные качества ребенка, можно интерпретировать как психологическую защиту личности по механизму проекции. Конечно, это предположение необходимо проверять в процессе оказания помощи (в частности, в форме психологического консультирования) на более значительной выборке респондентов.

Ответ матери о собственных личностных трудностях вызвал интерес и предположение о том, что личные трудности матерей вполне могут входить в репертуар родительских трудностей — наряду с предполагаемыми нами изначально эмоциональными, когнитивными и конативными воспитательными трудностями.

Ответы этих четырех матерей дали повод для расширения изначальной гипотезы исследования: в диапазоне родительских трудностей наряду с осознаваемыми воспитательными трудностями целесообразно учитывать неосознаваемые трудности (которые «маскируются» под трудности ребенка) и частично-осознаваемые трудности (которые в формулировках матерей носят характер личностных трудностей). Иллюстрация этого концептуального разворота представлена на Рис. 1.

Поскольку мы предположили, что все перечисленные виды трудностей матерями субъективно отражаются, но при этом формулируются, то, учитывая, что, отвечая на второй вопрос опросника Н. В. Здерёвой, матери были более многословны, мы предположили, что подтверждение всех выделенных видов трудностей будет обнаружено в ответах участниц исследования по всей выборке.

Это действительно оказалось так: большинство мам, описывая свое взаимодействие с детьми, называли не одну, а несколько трудностей. Далее весь объем сформулированных трудностей был подвергнут контент-анализу (вариант — целевой анализ содержания).

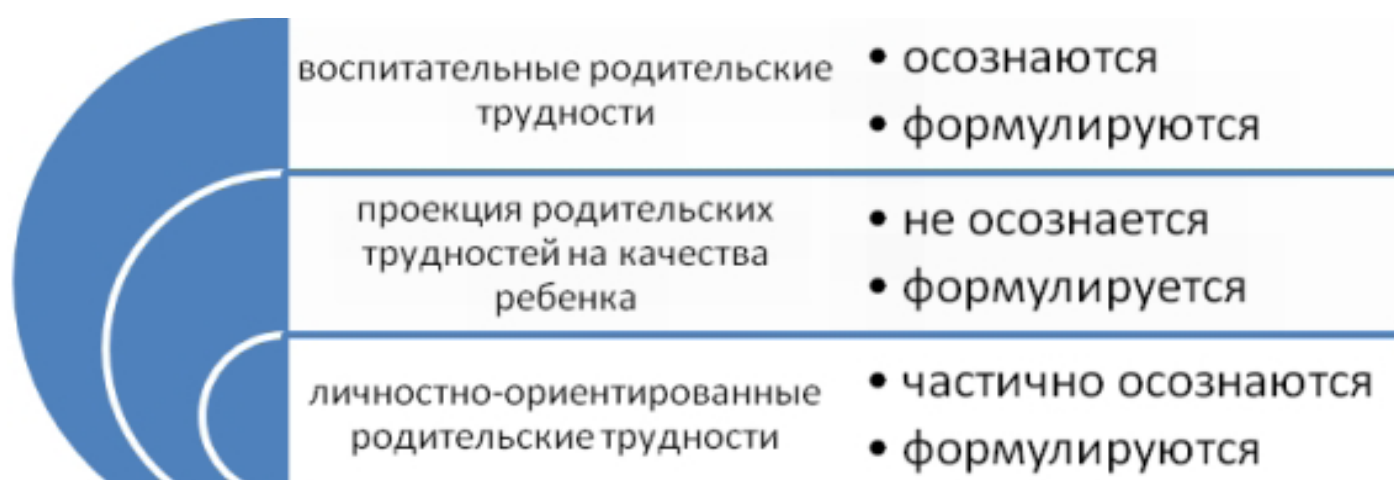

Рис. 1. Диапазон видов родительских трудностей матерей, обращающихся за психологической помощью к психологам-консультантам

В целом контент-анализ позволил типологизировать полученные ответы матерей в несколько содержательных групп (Рис. 2):

- **эмоциональные трудности** (страх, тревожность, раздражение...) — 32 характеристики,
- **когнитивные трудности** (нет контакта с ребенком, трудности общения, нет близких и доверительных связей, нет авторитета, взаимонепонимание...) — 16 характеристик,
- **поведенческие трудности** (проявление контроля, давления, гнева, агрессии...) — 59 характеристик,
- **проявление дисбаланса в отношениях** (баланс контроля и доверия, делегирование полномочий и ответственности, двойственность поведения, манипулирование — как ребенком, так и со стороны ребенка) — 35 характеристик,
- **личные трудности** (усталость, недосып, несдержанность, нетерпимость, холодность, «я плохая мама», «сил нет», «меня никто не любит», «детская» позиция...) — 90 характеристик.

Действительно оказалось, что воспитательные трудности охватывают диапазон психических характеристик, включающий аффективные (эмоциональные), когнитивные (рациональные) и конативные (поведенческие) характеристики.

Было подтверждено, что многие мамы испытывают, выступая в роли родителей, личностно-ориентированные трудности. Связь этих трудностей с воспитательными трудностями мамы лишь частично осознают.

Характеристики, которые были определены как проявления дисбаланса в отношениях, похоже, и есть те самые проекции на качества ребенка, которые мама как собственные воспитательные трудности не осознает.

Интерпретируя полученный профиль субъективно воспринимаемых трудностей (Рис. 2), отметим явное превалирование в ответах матерей характеристик собственного личностного неблагополучия и поведения (фокусирование внимания на себе и трудно контролируемые или вовсе не поддающиеся контролю действия). Акцентирование собственных личностных трудностей и проекция своих родительских трудностей на ребенка может интерпретироваться как макет собственного детского травматичного опыта матери. В качестве основания для такой интерпретации мы опираемся на уже упомянутый выше ряд работ отечественных и зарубежных авторов, описывающих в качестве признаков неотрагированной психической травмы поведенческие и личностно-ориентированные факторы

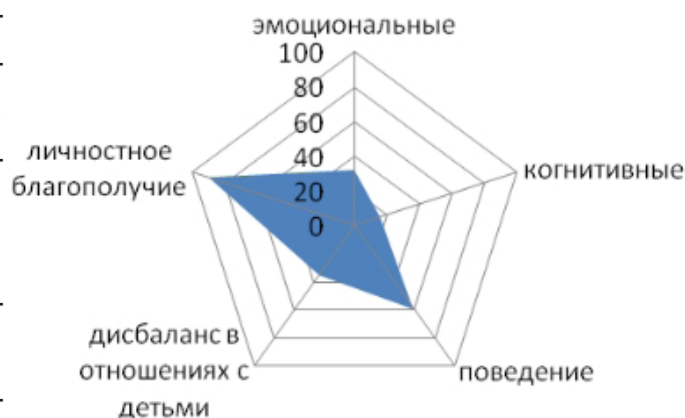

Рис. 2. Типологический профиль субъективно воспринимаемых матерями родительских трудностей

(Ахмерова & Сорокоумова, 2022; Екаторина, 2020; Защирина, 2022; Латуненко, 2022; Нагайцева, 2022; Наказава, 2025; Петрова, 2014).

Тот факт, что когнитивные воспитательные трудности были упомянуты матерями в наименьшей степени, также косвенно подтверждает наше предположение о связи трудностей в воспитании детей с детскими травмами родителей: неотрагированные травмы, как правило, не осознаются именно как психические травмы, равно как и когнитивные трудности воспитания. Для того чтобы сделать вывод о том, что в отношениях с ребенком нет контакта, доверия, близости, а есть отсутствие авторитета и взаимопонимание, требуется некая аналитическая работа, основанная на осознании.

Выводы

В результате проведенного исследования с применением метода контент-анализа выяснилось, что:

1. Родительские трудности матерей, обращающихся за помощью к психологу, включают собственно воспитательные трудности, трудности личного характера и трудности, которые не называются, но атрибутируются ребенку (в нашей интерпретации это проявление дисбаланса в отношениях)
2. Воспитательные трудности матерей включают аффективные (эмоциональные), когнитивные (рациональные) и конативные (поведенческие компоненты).
3. Родительские трудности матерей, обращающихся за психологической помощью, могут быть маркерами детского травматического опыта этих матерей, на что необходимо обращать особое внимание при проведении сеансов консультирования.

Литература

Ампе, П., Раммант, Э. (2024). Нейроотличные. М.: ООО «Альпина Паблишер».

Ахмерова, Э. З., Сорокоумова, С. Н. (2022). Влияние детской психологической травмы на формирование высокозначимых отношений в зрелом возрасте. *Семья и личность: проблемы взаимодействия*, 22, 29–40.

Бардиер, Г. Л. (2018). Психология формирования отношений с миром и накопления социального капитала у современных подростков поколения Z. В *Advances in Science and Technology. Сборник статей XVII Международной научно-практической конференции*, II, 51–54. М.: Научно-издательский центр «Актуальность.РФ».

Бардиер, Г. Л., Кравченко, А. Р., Фадеева, Ю. В. (2021). Нейропсихологические особенности современных младших школьников. В *Modernity: человек и культура. Сборник материалов XXIII межвузовской научной конференции*, 7–14. Санкт-Петербург: Изд. В. А. Егоров.

Бардиер, Г. Л. (2002). Почему психолог похож на кошку: тонкости психологической помощи детям. 2-е изд., испр. и доп. М.: Генезис.

Винникотт, Д. В. (2001). Разговор с родителями. М.: Независимая фирма «Класс».

Екатеринина, А. А. (2020). Влияние детской психической травмы на взрослую жизнь. *Молодой ученый*, 10(300), 213–215.

Защиринская, О. В. (2022). Психические травмы в межличностных отношениях: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Гос. ун-та.

Здерёва, Н. В. (2026). Мама, посмотри на меня. М.: Изд-во Робинс.

Здерёва, Н. В. (2023). Мама, услышь меня!. М.: Изд-во Робинс.

Крановиц, К. С. (2012). Разбалансированный ребенок. Как распознать и справиться с нарушениями процесса обработки сенсорной информации. СПб.: Издательство «Редактор».

Латуненко, Ю. (2022). Материнский сценарий. Как наши детские травмы влияют на взрослую жизнь и воспитание собственных детей. М.: ЭКСМО.

Микляева, А. В., Безгодова, С. А. (2017). «Клиповое мышление» в структуре стилистических характеристик познавательной деятельности студентов. *Ярославский педагогический вестник*, 5, 223–227.

Нагайцева, В. С. (2022). Детская психологическая травма, предиктор последствий психического здоровья. Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе, 39, 919–924.

Наказава, Д. Д. (2025). Осколки детских травм. М.: Эксмо.

Петрова, Е. А. (2014). Детские психотравмы: проблема отсроченного влияния на личность взрослого человека. *Вестник Новгородского государственного университета*, 79, 96–99.

Падун, М. А., Тарабрина, Н. В. (2003). Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности. *Московский психотерапевтический журнал*, 1, 121–141.

Садовникова, И. Н. (2012). Дисграфия, дислексия: технология преодоления. М.: ПАРАДИГМА.

Смирнова, Е. О., Быкова, М. В. (2000). Опыт исследования структуры и динамики родительского отношения. *Вопросы психологии*, 3, 79–83.

Цветков, В. Л., Павлова, А. А. (2023). Клиповое мышление как актуальная психологическая проблема. *Вестник Московского университета МВД России*, 3, 317–322. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-317-322>

Эйдмиллер, Э. Г., Добряков, И. В., Никольская, И. М. (2006). Семейный диагноз и семейная психотерапия: учебное пособие. СПб.: Речь.

References

Akhmerova, E. Z., Sorokoumova, S. N. (2022). *Vliyaniye detskoy psikhologicheskoy travmy na formirovaniye vysokoznachimyykh otnosheniy v zrelom vozraste* [The influence of childhood psychological trauma on the formation of significant relationships in adulthood]. *Semya i lichnost': problemy vzaimodeystviya* [Family and Personality: Interaction Problems], 22, 29–40. (In Russ.)

Ampe, P., Rammant, E. (2024). *Neurootlichnye* [Neurodivergents]. Moscow: Alpina Publisher, 163 p. (In Russ.)

Bardier, G. L. (2002). *Pochemu psikholog pokhoz na kota: tonkosti psikhologicheskoy pomoshchi detyam* [Why a psychologist is like a cat: nuances of psychological help for children]. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Genesis. (In Russ.)

Bardier, G. L. (2018). *Psikhologiya formirovaniya otnosheniy s mirom i nakopleniya sotsial'nogo kapitala u sovremennykh podrostkov pokoleniya Z* [Psychology of world relations and social capital accumulation in modern Gen Z adolescents]. In *Advances in Science and Technology. Collection of papers XVII International Scientific and Practical Conference*, II, 51–54. Moscow: Nauchnyi-izdatelskii tsentr «Aktualnost.RF». (In Russ.)

Bardier, G. L., Kravchenko, A. R., Fadeeva, Yu. V. (2021). *Neuropsychologicheskie osobennosti sovremennykh mladshikh shkol'nikov* [Neuropsychological characteristics of contemporary primary school children]. In *Modernity: Chelovek i kultura. Collection of materials XXIII interuniversity scientific conference*, 7–14. Saint Petersburg: Editor V. A. Egorov. (In Russ.)

Eidemiller, E. G., Dobryakov, I. V., Nikol'skaya, I. M. (2006). *Semeynyy diagnost i semeynaya psikhoterapiya: uchebnoye posobie* [Family diagnosis and family psychotherapy]. Saint Petersburg: Rech', (In Russ.)

Ekaterinina, A. A. (2020). *Vliyaniye detskoy psikhicheskoy travmy na vzroslyuyu zhizn'* [The influence of childhood psychological trauma on adult life]. *Molodoy uchenyi* [Young Scientist], 10(300), 213–215. (In Russ.)

Kranovits, K. S. (2012). *Razbalansirovannyi rebenok: kak raspoznat' i spravit'sya s narusheniyami protsessov obrabotki sensornoy informatsii* [The unbalanced child: how to recognize and cope with sensory processing disorders]. Saint Petersburg: Redaktor, (In Russ.)

Latunen, Yu. (2022). *Materinskiy stsensariy: kak nashi detskie travmy vliyayut na vzroslyuyu zhizn' i vospitanie sobstvennykh detey* [Maternal script: how our childhood traumas affect adult life and parenting]. Moscow: Eksmo, (In Russ.)

Miklyaeva, A. V., Bezgodova, S. A. (2017). *"Klipovoe myshlenie" v strukture stilevykh kharakteristik poznatel'noy deyatel'nosti studentov* ["Clip thinking" in the structure of stylistic characteristics of students' cognitive

activity]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 5, 223–227. (In Russ.)

Nagaytseva, V. S. (2022). *Detskaya psikhologicheskaya travma, prediktor posledstviy psikhicheskogo zdorov'ya* [Childhood psychological trauma as a predictor of mental health outcomes]. *Sovremennye problemy lingvistik i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v VUZe i shkole* [Contemporary Problems of Linguistics and Russian Teaching Methods in Universities and Schools], 39, 919–924. (In Russ.)

Nakazawa, D. D. (2025). *Oskolki detskikh travm* [Fragments of childhood traumas]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

Padun, M. A., Tarabrina, N. V. (2003). *Psikhicheskaya travma i bazisnye kognitivnye skhemy lichnosti* [Psychological trauma and basic cognitive schemas of personality]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal* [Moscow Psychotherapeutic Journal], 1, 121–141. (In Russ.)

Petrova, E. A. (2014). *Detskie psikhotravmy: problema otsrochennogo vliyaniya na lichnost' vzroslogo cheloveka* [Childhood psychotraumas: the problem of delayed effects on adulthood]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novgorod State University], 79, 96–99. (In Russ.)

Sadovnikova, I. N. (2012). *Disgrafiya, disleksiya: tekhnologiya preodoleniya* [Dysgraphia, dyslexia: overcoming technology]. Moscow: Paradigma. (In Russ.)

Smirnova, E. O., Bykova, M. V. (2000). *Opyt issledovaniya struktury i dinamiki roditel'skogo otnosheniya* [Study of the structure and dynamics of parental attitude]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 3, 79–83. (In Russ.)

Tsvetkov, V. L., Pavlova, A. A. (2023). *Klipovoe myshlenie kak aktual'naya psikhologicheskaya problema* [Clip thinking as a current psychological problem]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3, 317–322. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-317-322> (In Russ.)

Winnicott, D. V. (2001). *Razgovor s roditelyami* [Talking with Parents]. Moscow: Nezavisimaya firma «Klass». (In Russ.)

Zashchirinskaya, O. V. (2022). *Psikhicheskie travmy v mezhlichnostnykh otnosheniyakh* [Psychological traumas in interpersonal relationships]. Saint Petersburg: Izdatelstvo S.-Peterburgskogo Gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)

Zdereva, N. V. (2023). *Mama, uslysh menya!* [Mom, hear me!]. Moscow: Robin's, 206 p. (In Russ.)

Zdereva, N. V. (2026). *Mama, posmotri na menya* [Mom, look at me]. Moscow: Robin's. (In Russ.)